

Культура белорусов в поэмах Якуба Коласа

В белорусской классической литературе Я. Колас явился продолжателем литературной традиции А.С. Пушкина. Об этом свидетельствуют слова самого поэта: «Калі-б не было Пушкіна з яго “Онегіным”, одай “Вольнасць”, і “Паслінем у Сібір”, “Капітанскай дочкай” і казкамі, – не было-б, напэўна, і маіх паэм “Новая зямля” і “Рыбакова хата”, маёй лірыкі і прозы» [1: 9]. Поэма “Новая зямля” является поэтической “энциклопедией” жизни для белорусов. Творческое наследие писателя отражает не только богатство духовной национальной культуры, но также культуру труда и быта, культуру топоса, культуру производства в переломное время истории. В поле наших наблюдений оказался этнографический аспект в произведениях Я. Коласа, позволивший увидеть жизнь белорусской деревни в 30-х годах 20 столетия. Сегодня эти знания остаются важным для трансляции социального опыта, с точки зрения познавательной, аксиологической, гуманистической.

Колас оставил читателям специальные «этнографічныя начаткі», записки, статьи, в которых скрупулезно записывал свои наблюдения над жизнью соотечественников; кроме этого повести и рассказы, поэмы (повести «Адшчапенец», «У палесскай глушы», поэмы «Новая зямля», «Рыбакова хата» і др) полны деталей быта, хозяйственного уклада, собственно произведений народной культуры и т.д. Осмысливая этнографическое наследие Коласа с опорой на литературные произведения, Э.Р. Соболенко отмечал, что «этнографічныя інтарэсы адыгралі прыкметную ролю ў фарміраванні светапогляду Якуба Коласа, у станаўленні яго літаратурнага таленту, у складванні такой вызначальнай рысы яго творчасці, як народнасць» [4: 3].

В художественном мире поэм «Новая земля» и «Рыбакова хата» поэт живописует природу, народные традиции, рассказывает об обрядах и приметах, о жизненном укладе белоруса, о предметах домашнего обихода и орудиях труда, о жилищах и разного рода постройках, о быте семьи и пр. Не спеша, щедроими на краски мазками подробно рисует милые сердцу картины. Доминирует в обоих поэмах хронотоп дома как выразитель времени и пространства, но образ дома – это и концепт как особая форма познания действительности, и

возможность для постижения уровня культуры народа во времени. Хронотоп-концепт включает в себя образы леса, луга, поля, ручейка, родника, раскинувшихся по берегам Немана, разные фазы земледельческого труда, нравственные взаимоотношения между людьми, мир души героев.

Мой родны кут – вот границы и конфигурации пространства, определяющего концепцию поэмы «Новая земля» [2]. *Родны кут* – это одновременно точка внешнего мира и память души, образ аксиологический. В мире произведения это и обжитый угол, где обитает герой; и укромное местечко, где *каля хаты ...стаялі дзве вярбы старыя*; это почетное место за столом, т.е. святой, *красный* угол под образами; это глухой медвежий угол, *цёмны вугал, чужая зямля*, куда судьба забрасывала семью Михала; наконец, это последний приют героя, *зямля...туды, туды*, – дом-могила в финальных строках поэмы. А по всему тексту великолепные картины природы размыкают сюжетные границы времени и пространства. По-соседски мирно живут в поэме трогательные образы белорусской природы: *елка ў пары з хваіною, лес цяністы, кашлаты, бор, узгоркі*. Изображение пейзажей дано с точки зрения поэта-философа и является средством раскрытия богатого внутреннего мира главного героя, его эстетического восприятия окружающего. В этих изображениях обнаруживается не только философский взгляд автора, но и его земляков, постигших сложную картину мироздания.

Замкнутое пространство лесниковой усадьбы передается через выразительные сравнения (*елки, как вдовы; цветы, как девочки молодые; зялены луг абрусам расцілаўся*), олицетворения (*лес наступаў, травы зашэпчуць між сабою*) и т.д. В ходе повествования пространство суживается до *сада каля хаты* с домашними постройками, хозяйской утварью, без которых не мыслится жизнь крестьянина (*хлев, погреб, гумеце, возок, телега, сани, ульи, хамуты* и др.). А потом глаз упирается в поле с посевами ржи, овса, ячменя, гречихи. И, наконец, в глубине двора показывается щеголеватая хата, похожая на шляхтянку. *Было прытульнае гняздечка*, – заканчивает рассказчик одно из описаний родного уголка.

В главе «*Раніца ў надзельку*» ход времени замедлен, автор обозревает воскресный день семьи *от рання* до полудня. В пространстве дома лесника поэт показал работу женщины-крестьянки (приготовление еды возле печи, хлопоты в поле и огороде, заботы о детях); описал обязанности и заботы детей (поеть, управиться с коровами, подготовиться к рыбалке, поиграть во дворе, выслушать интересный рассказ дядьки Антося); остановил свое внимание на обязанностях мужчин: лесничие осмотры, рыбалка, охота, косьба, работы на земле и по домашнему хозяйству. Автор любит укладом семьи, в которой каждый занят своим делом. С почтением рассказывает об уважительном отношении домашних к вере дядьки Антося в Бога, о соблюдении им религиозных обрядов. С большим знанием крестьянской пищи повествует про блинцы (*аладкі*), *здор, верашичку, цыбулю, терчык, ліст бабкаў, салыца, муку і квас*. На

других страницах – про *праснакі, кампоты, кісель з мядоваю сытцю, клёцкі, баравічкі* и др. Глазами бытописателя дается картина приготовления ноздреватых *блинцоў*, рассказывает о детских забавах, о повседневной жизни каждого члена семьи, будь то взрослого или ребенка, женщины-матери, или хозяйки дома (*Алесь, сыноч ... ідуць чароўкі!*). Перед нами и жизненный уклад семьи, народная педагогика и психология, и этикет; все отношения внутри семьи пропитаны вниманием и любовью друг к другу.

При изображении дома в главе «За столом» ход времени замедляется, приобретает особый смысл. За столом собирается вместе вся семья, и поэт дает это изображение крупным планом. В крестьянскую трапезу входит непременно *мачанка, хлеб, скварка, тварог са смятанай*. Все едят из одной посуды, не спеша. Подробнейше освещается не только “меню”, но и черты народного застольного этикета, основанного на почитании старших в семье, взаимоуважении, внимании со стороны старших к младшим. За столом места строго распределяются и закрепляются по старшинству, для младших детей накрывается отдельный стол. Перед едой молятся, едят *моўчкі*, лучший кусок оставляют главе семьи. Глава семьи занимает самое почетное место за столом, “красный” угол. Так *куток* (уголок) земли, воспетый Коласом во введении в поэму сужается до уголка дома, микромира, в обоих мирах соблюдаются людьми общие нравственные законы.

В поэме «Новая земля» хронотопу дома противопоставлен чужой мир, художественное пространство, удаленное от семейного очага, которое можно обозначить как “не дом”. Хуторской житель Антось, попавший в городскую среду, не принимает всеобщей суматохи, скопища народа, лживой красоты и блеска людей и машин. Смена городских картин, представленных глазами героя, создает напряженное настроение, придает дисгармоническое звучание стихам поэмы, одновременно показывает отчужденность деревни к городу, неприятие крестьянством урбанистической культуры.

В поэме «Рыбакова хата» [3] через концепт дома Колас проверяет человека, семью, общность людей; каждый образ-персонаж поэмы выявляет себя через отношение к дому. Этот концепт предстает в ряде ипостасей, важнейшей из которых является оппозиционная пара: «хата рыбака» Симона Латушки, с одной стороны; с другой стороны, дом пана Богута. Автор информирует читателя, что *рыбакова хата*, построенная еще в дедовские времена, находится на отшибе. *Халупка ўстаране /З старою комінай шчарбатай, акенцы скошаны набок, нізкі катушок*, с которого снят дверной замок, *сенцы*. В разное время и по-разному называют ее герои: *хатка-матка, як труна* (гроб), *хатка туліцца старая, хацінка, хібарка, рыбацкі дом, хата-казка, мірны вугалок*. Центральное место в доме занимает печь, 1/5 часть дома, (*маті-печ! Ты – рай нябесны*). С нее с дымящейся лучиной, как свидетель далеких времен, *лучнік звісае*. В красном углу образа с ликами святых, стены задымленные, прокуренный низкий потолок да-

вит на плечи. Вдоль стены скамейка, табурет, на гибкой жерди скрипит детская *калыска*, как память о том, что здесь когда-то зарождалась жизнь. Таковы этнографические подробности.

Деревня Петруши состоит из семнадцати дворов, таких же бедных *хат*, построенных на один манер. Дворы разбиты как попало, без всякого плана, ни улиц, ни кварталов. Дома вросли в землю, скривлены, закорузные соломенные крыши с *дзіравымі стрэхамі* поросли мхом. Усадьбы огорожены, рядом с домами тесные дворы с воротами, во дворах бегают куры с петухами, поросята. При домах огороды, грядки, на которых выращивают тыквы, огурцы, рассаду. Преимущества имеют огороды возле реки. У реки настелена гать, есть *кладка* и мостик через реку. Около некоторых домов заросли конопли, кое-кто из крестьян пытается выращивать табак (но это запрещают польские власти). Огонь высекается вручную, кресалом (*крэсіва*). Рассказчик повествует о том, что крестьяне занимаются собирательством: это грибы, шавель, черника, рыба. Из домашней утвари и инструментов в поэме упоминаются рубанок, топор, станок, коса, горшки, миски, жбаны, ступа, поросячий чугунок, подушки, сеник, соль, хранящаяся в *кадушке* и др.

Дом Богута расположен на пригорке, с которого видны окрестности. Всем бросается в глаза белая крыша, радиоантенна, забор с высокими воротами; в доме парадное высокое крыльцо, имеется задний вход. Вокруг дома сад с тенистой беседкой, с клумбами и скамейками, есть сушилка, коптильня, баня, чистая конюшня. Тропинка сбегает к реке, к лесу. В доме светелка, боковушка (каморка), буфет, кухня чулан. Из буфета хозяйка достает графин и рюмки, тарелки, вилки и ножи, салфетки. Внутри жилища есть рабочий стол с канцелярскими принадлежностями. Гости к пану приезжают на паре отменных коней с колокольчиками, на возке, управляемом возницей. В доме соблюдается этикет: встречают гостей на крыльце, через парадный вход проводят в покои, мужчины галантно целуют дамам ручки, предлагается богатый стол, приятный разговор. Дом гостепреимный, богатый, полный достатка, жизнь здесь у *хвалях шоўкавых пльве*, но так живут лишь паны.

В поэме представлен такой типичный для крестьянского быта предмет деятельности труда героя, как сундук. Все добро молодой семьи, Марины и Данилы, составляет этот сундук, *скрыня ... дар ад мужа*, сработанная Данилой еще в пору свиданий молодых людей. *Скрыня* характеризует Данилу как мастера-художника, в котором сосредоточены духовная красота, таящаяся в душе каждого простого человека. В этом сундуке хранится добро семьи: *сувойчык палатна, кадубок, два пярсценкі, крыжык медны, чырвоны чарапок* и пр.

Детально, с этнографической точностью, в обеих поэмах обрисованы одежда крестьян и людей других сословий, этикет, основы православной и католической веры, церковные праздники, народная поэзия. Спутником в радо-

стях и горестях для селянина всегда была песня, художественный образ которой пронизывает творчество Коласа. Мы встречаем различные типы песен: песня матери, песня девушек (*сумны песні гэтай лад*), песня женщины под звук веретена, песни весны, лета (*песні ў полі сцявае ручаек*), слышится песня ветра, песня песняра, песня мужика, звучат песни *аб хлебе*, песня *салаўная, старая песня*, песня любви и др. Поют жаворонок в небе и мать *о шчасце-далі* сыночка, поет кто-то одинокий ранним утром, поет, *гаворыць сам з сабою, жартуе* рыбак Сымон, поет радостную песню пан Богут. Разнообразные мотивы народных песен погружают читателя в глубины души белоруса.

Завершая, следует сказать, что обращение к произведениям классиков как белорусской, так и русской литературы как социальной памяти человечества обогащает духовный мир нашего современника, способствует социальному взаимодействию культур разных народов.

Літаратура

1. Колас, Я. Збор твораў: 7 Т. Т. 1. Мн., 1952.
2. Колас, Я. Збор твораў: 7 Т. Т. 4. Мн., 1952.
3. Колас, Я. Збор твораў: 7 Т. Т. 7. Мн., 1952.
4. Сабаленка, Э.Р. Этнаграфічная спадчына Якуба Коласа. Мн., 1969.